

Как творить историю

На экраны выходит последняя картина Алексея Юрьевича Германа «Трудно быть богом» по роману братьев Стругацких. Режиссер Алексей Злобин работал на ее съемках ассистентом, Time Out публикует интервью с ним из готовящейся к изданию книги «Яблоко от яблони». А Алексей Герман-младший, закончивший подготовку ленты отца к показу, поразмыслил о связи фантастической истории в фильме с реальной жизнью в стране сейчас.

«Хрусталева, машину!» задал предельную планку как для художественного языка, так и для затрагиваемых вопросов. Теперь мы с нетерпением ждем новую, грандиозную по масштабу картину – «Трудно быть богом».

Да. Работа, начатая в прошлом веке, продолжалась 15 лет. И то, что я видел в процессе, хоть и в отдельных кадрах, – не побоюсь громкого слова – шедевр.

Вы как ассистент непосредственно отвечали за организацию и ведение съемочного процесса?

Совершенно верно. У Германа был отряд режиссеров, каждый отвечал за свое. Стажеры репетировали с типажками, второй режиссер планировал съемки, а я рулил площадкой.

Фильм сильно отличается от повести Стругацких?

Повесть написана в 1963 году. Тогда в СССР после разгрома культа личности вовсю припекала оттепель, настроения были самые возвышенные и романтические. И герой Стругацких – романтический герой, этаким д'Артаньян, победитель страшного и жестокого Черного ордена. Этой повестью авторы прощались с эпохой фашизма и тоталитаризма, они верили, как и все их поколение, что кошмар не повторится. Их позже называли «шестидесятниками». Тогда же Герман и написал первый вариант сценария.

Он должен был снимать этот фильм еще в 1960-е?

Фильм запустили в производство летом 1968-го, в августе наши танки вошли в Прагу – иллюзия светлого будущего рухнула, а картину закрыли до начала съемок.

Почему?

В повести планету Арканар захватывают монахи, Черный орден. Ну как могли разрешить

это снять, когда мы оккупировали Чехию? Сказка шестидесятников о шестидесятниках осталась не снятой. Забавно, что картину спустя тридцать лет начали снимать именно в Чехии. «Бывают странные сближенья», как сказал Пушкин.

Сценарий был написан сорок лет назад?

Да. А в 1998-м, после «Хрусталева», Германа спросили, есть ли сценарий, который он может быстро снять. И Герман ответил: «Есть». Но когда перечитал вариант 1968 года, то понял: все ушло, все другое, сменилась эпоха. И стал переписывать.

В чем сущностное отличие – в сюжете?

Нет – в духе. И в поставленных проблемах. Уже нет места романтике и надежде, сценарий – о страхе за будущее, о неотвратимости зла. Тоталитаризм и жестокость повторяются. Шестидесятники полагали, что применение силы прощательно в борьбе со злом, Герман говорит: ничего подобного, все гораздо страшнее, потому что демоны, заставляющие

человека убивать, – в нем самом. И в прохождении по этой мысли до конца – в пределе отчаяния и честности – Герман беспощаден, в первую очередь к самому себе.

«Трудно быть богом» – трудно уберечь в себе божественное начало. Об этом картина?

Гуманизм героя трещит по швам от испытания к испытанию, а он наделен сверхсилой, которую не имеет права применять. «Трудно быть богом» – изначально рабочее название. Уже в начале съемок Герман придумал другое: «Что сказал табачник с Табачной улицы». Слуга героя, простак и болтун, всякий раз повторяет: «Один мой знакомый табачник с Табачной улицы сказал...» – но никогда не успевает закончить фразу. И с каждым поворотом сюжета фраза становится все более значимой, потому что мы ждем ответа: а что делать в ситуации, когда тебя окружают жестокость и ложь, что делать, когда ты должен подавлять в себе гуманную потребность вмешаться в исторический процесс, не дать совершиться злу и так далее.

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНЫ КИНОКОМПАНИЕЙ «СЕРБ»

И нет ответа, мы так и не узнаем, что сказал этот табачник. «Трудно быть богом» – это ответ, и ответ неточный, потому что точный ответ невозможен. А вот «Что сказал табачник...» – все-таки вопрос, горький иронический вопрос.

Братья Стругацкие принимали участие в работе над картиной?

Нет. Все права были переданы Германи, и все. И если говорить об изменениях, то осуществлялись они в три этапа – в многократном переписывании сценария до начала съемок, потом в течение года подготовки – в пробах, а потом – на самих съемках.

Поясните, пожалуйста.

Когда сложился окончательный вариант сценария, Герман начал пробы. Это были не столько пробы актеров, сколько черновики самого фильма, эскизы. Герман разрабатывал сцены в предельной приближенности к условиям съемок: подробнейшие декорации, костюмы, гримы, долгая работа с текстом – все это шло в сценарий. Из материала проб можно смонтировать несколько полных версий картины. А когда уже снимался фильм, снова шли изменения. Герман мог зацепиться за какое-то лицо или деталь, и потом вырастала целая линия в киноповествовании.

Вы были ассистентом, отвечали за площадку. Трудно было с Германом?

Невозможно, он всех замучил, и себя, и нас! Полтора года подготовки! Никто не верил, что съемки начнутся. Но на итоговой пробе с маской в 150 человек, каскадерами, лошадьми, пиротехникой, огромным краном – зимой на берегу обледеневшего Финского залива – я испытал такой маршалский азарт, что всю эту махину, эту армию надо двинуть и вести, куда Герман скажет. А Герман сказал: «Леша, моторь площадку!» Главное в процессе съемок – непрерывная поступательная энергия и общее осознание задачи. И я захлебнулся от счастья, когда понял, что держу процесс и способен увлечь других. Герман как режиссер вытаскивает из каждого сотрудника на площадке все его потенциальные возможности. Это касается не только творческой бригады фильма, это всех касается. Не было ни одного празднующегося или случайного человека. Как-то Герман среди ночи позвонил и начал разговор так: «Я не сплю, и ты – не спи!» Он каждую подходящую мысль проверял на нас – остановит, спросит: «Как тебе кажется, я вот придумал деталь», – и расскажет деталь. А ты: «Ух, здорово придумали, Алексей Юрьевич!» А он: «Никому не говори!» Это страшно льстило и обижало. А через пять минут он эту придумку кому-то еще рассказывал. Мы все были вовлечены в его «кухню», в его творчество и тревоги. По-моему, только так и может делаться настоящий фильм.

«Трудно быть богом». Реж. Алексей Герман. В ролях: Леонид Ярмольник, Юрий Цурило, Наталья Мотева, Александр Чутко, Евгений Герчаков, Александр Ильин, Петр Меркурьев. Россия, 2013. С 27 февраля

АЛЕКСЕЙ
ГЕРМАН-
МЛАДШИЙ

«Сколько у нас осталось людей, которые готовы и хотят пропускать через себя сложное, тяжелое? Их стало меньше в последнее время. Очень многие уехали, некоторые умерли, аудитория уменьшилась в разы. Но, во-первых, зритель есть, и есть он по всей России, за КАД и МКАД живут не только агрессивные дебилы, и они на картину пойдут. Во-вторых, значение фильма именно в том, что он говорит на языке смелости, бросает вызов всему современному индустриальному кино. „Трудно быть богом“ создает ориентир, или маяк, к которому невозможно равнодушно относиться. Не надо отделять возможности своей жизни от картины „Трудно быть богом“. Я смотрю хронику столкновений в одной близкой нам стране, когда повсюду взрывы и окровавленные люди, и думаю, насколько же сильная прослеживается схожесть с фильмом. Это трагическая история, которая, как и многие события фильма, начинает входить в нашу жизнь. Может ли изменить человека искусство, я не знаю. Но оно говорит нам, какими мы можем стать и куда мы идем».

